

Тук, тук. Незнакомый звук эхом разнесся по безмятежной комнате. Это был нежный, деликатный ритм, напоминающий чириканье новорожденной птицы, едва слышное даже при сосредоточенных ушах. Это была первобытная мелодия сердца, своеобразная вариация регулярного пульса, породившая ритм жизни.

Тырканзяка открыла глаза в этом ритме и рывком выпрямила туловище, вздрогнув, как проспавший ребенок. Она смотрела в темноту пустым взглядом, прежде чем в замешательстве потянулась, чтобы ощупать свое лицо и тело.

— Когда я... заснула?

Тырканзяка была уверена, что была в сознании, по крайней мере, до середины ритуала. Она наблюдала за надзирателем, сидящим с плотно закрытыми глазами. Он явно что-то делал, но, несмотря на свой обширный опыт, она не могла понять, что именно.

Итак, Тырканзяка осталась неподвижной и продолжала наблюдать. Ожидание было чем-то, к чему она привыкла. Без этого терпения она не смогла бы выдержать такие долгие годы.

Были случаи, когда она без особой причины молча смотрела на залитое лунным светом небо всю ночь. И были времена, когда она закапывалась под землю, чтобы уснуть почти на сто лет. Проводить какие-то часы или дни, просто наблюдая за чьим-то лицом, она считала несложной задачей. Более того, вглядываться в каждый контур его лица тоже было не так скучно.

Но в какой-то момент надзиратель резко вырвался из мертвой неподвижности. Тырканзяка на мгновение была озадачена его неожиданным движением, когда его рука постепенно потянулась к карте в ее руках. Его пальцы коснулись карты, затем коснулись ее тела, и в тот же миг она потеряла сознание.

Тырканзяка не знала, сколько она проспала. Пробудило ее от этого ощущение ритмичного сердцебиения в ее теле. Это было похоже на шаги странника, возвращающегося домой из долгого путешествия, незнакомость, которая плавно слилась с окружающим пейзажем, прежде чем она это осознала.

— Мое сердце?

Как только она это осознала, Тырканзяка стремительно поднесла ладони к груди. Почувствовав приглушенную пульсацию внутри, она вскоре издала удивленный возглас.

— Это невероятно.

Ее сердце билось. В этом не было никаких сомнений. Ни одного. Его темп не был ни вялым, ни механическим, а казался настолько естественным, что сама Тырканзяка его поначалу не заметила. В то же время она несла в себе ностальгическую сущность, пробуждавшую воспоминания о далеком прошлом.

Это не была мимолетная вспышка ощущения, как тогда, когда ее сердце встряхивало разрядом. Нет, это, несомненно, был стук, принадлежащий ей, пульсация, резонирующая из прошлого и сохраняющаяся в будущем. Тырканзяка инстинктивно знала, что это правда.

— Боже. Подумать только, он действительно это сделает... Но как?

Тырканзяка осмотрела свое состояние. Как непревзойденный мастер искусства крови, она могла манипулировать каждой каплей крови в своем существе. Она проследила тонкие

изменения в своем теле, стараясь не повредить свое сердце.

Для обычного человека изменения в ней остались бы незамеченными. Тем не менее, Тырканзяка совершенствовала свое искусство крови более 1200 лет, достигнув уровня, на котором она могла даже оживлять кровь за пределами своей физической формы. Она быстро поняла, что произошло, но обнаружила, что ее захлестнул поток вопросов.

— Искусство... крови? Он даже не вампир. Как? Я ясно помню, что учила только Шей...

Искусство крови не был невозможным навыком, который можно приобрести, приложив достаточно усилий. Тырканзяка сама освоила его самостоятельно, и даже Шей выучил его без особых усилий за несколько недель.

По своей сути, искусство крови было формой искусства ци, основанной на теории. Но независимо от того, насколько далеко продвинулся человек в своем мастерстве владения кровью, оно обычно ограничивалось контролем крови в собственном теле.

Зная об этом ограничении, Шей в первую очередь сосредоточился на использовании кровавой магии, чтобы остановить кровотечение или укрепить собственное тело. Если человек не подвергся пробуждению, подобно просветлению Тырканзяки, которое было комбинацией таланта, совпадения и опыта, попытка использовать искусство крови для манипулирования телами других была почти невозможна.

Однако надзиратель сделал именно это с Тырканзякой. И вообще, он...

— То, что я отбросила... то, чем я пожертвовала давным-давно, чтобы выжить...

То, от чего ей пришлось отказаться, чтобы жить. Воспоминания, которые она изгнала в тайники своего разума почти на вечность.

Время заставило эти воспоминания состариться и отступить настолько далеко, что позже она забыла само их существование. Тем не менее, все эти остатки воспоминаний содержались в карте, спрятанной в ее груди. Как любимый, обветренный дневник, спрятанный в углу комода, или сундук с сокровищами, зарытый глубоко в землю, хранящий драгоценные воспоминания.

Ностальгия нахлынула на Тырканзяку, вызвав слабый далекий аромат. Слезы навернулись у нее на глаза — слезы, которых, несомненно, не было у самой Тырканзяки. Плача от радости и тоски, она произнесла голосом, задышающимся от слез.

— Спасибо. Спасибо. Ты действительно сделал это...

Естественно, ее разум был завален вопросами. Как он раскопал в ее теле те воспоминания и следы прошлого, которые она была вынуждена забыть? Как ему удалось сжать их в одну карту и передать ей? Как он смог использовать искусство крови, искусство, которому она даже не учила его?

Все эти расспросы возбуждали ее любопытство... но они имели второстепенное значение.

— Спасибо. Я не знаю, как я могу отплатить за эту услугу... Просто скажи.

Тырканзяка лучезарно сияла, глаза ее наполнились слезами. Слезы, которые когда-то были потеряны.

— Всё, что я могу предложить, я дам тебе. Просто скажи мне.

Однако надзиратель, казалось, задремал, опустив голову от изнеможения. Тырканзяка решила оставить его спать таким, какой он есть, но вокруг этого места не было приличной кровати, так что она знала, что он не найдет себе полноценного отдыха.

Помня об этом, она потянулась, чтобы разбудить его, и коснулась его плеча, побудив его поднять голову и встретиться взглядом с Тырканзякой, его взгляду не хватало фокуса.

— ... Ты.

Тырканзяка ждала его следующих слов, готовая всем сердцем принять любую его просьбу. Такова была ценность драгоценного подарка, который он сделал ей.

— Кто ты?

Но нежность Тырканзяки длилась недолго. Даже она не могла не окаменеть от вопроса, который он произнес.

* * *

Несколько бессонных дней Шей дежурила над подземным арсеналом. Прошло уже три дня с тех пор, как надзиратель упомянул о проведении какого-то ритуала с участием Тырканзяки.

С того дня крепкие стальные двери арсенала так и остались закрытыми, не издавая ни звука. Конструкция была полностью сделана из стали, поэтому Шей не могла видеть сквозь нее. Все, что ей оставалось, это ждать снаружи, гадая, когда же двери наконец откроются.

«Что, черт возьми, он делает? Он не будет заниматься какими-то забавными делами?..»

Шей покачала головой, пытаясь отогнать необоснованные мысли. В конце концов, у вампиров не было никаких желаний, кроме жажды крови и верности своему создателю. Более того, до сих пор надзиратель не проявлял подозрительного поведения. Она просто поторопилась с выводами.

Но, честно говоря, надзиратель нес значительную долю вины за подозрения Шей. Что это был за ритуал, когда он вел себя так скрытно?

«Тц!.. Хоть бы дай более подробное объяснение, если собираешься сидеть там целых три дня! Я даже не могла нормально спать из любопытства!»

Так что, она обвиняла надзирателя в том, что он виноват, не имея возможности выразить свое разочарование...

— Гав-гав!

Аззи подошла с мячом во рту.

В то время как регрессор стояла на страже во дворе, охраняя закрытые двери арсенала, неугомонная Аззи восприняла ее поведение как знак того, что нужно поиграть. Она часто подходила к Шей для игры в мяч. И, желая установить хорошие отношения с Аззи, Шей всегда выполняла ее просьбу.

Однако манера и результат их игровых сессий немного отличались от обычного подхода надзирателя.

Держа мяч в одной руке, Шей схватила Чун-энг другой.

— Искусство Небесного Клинка, Нежный Ветерок.

— Гав?

Прежде чем Аззи успела среагировать, Шей взмахнула Чун-энгом и отправила мяч в воздух. Подхваченный порывом волшебного ветра, мяч метался по двору во всех направлениях.

Выиграв момент, чтобы расслабиться, Шей перевела взгляд на запечатанные двери арсенала. Но Аззи не проявляла интереса к погоне за мячом. Вместо этого она села и постучала по земле у ног Шей.

Ее внимание вернулось к Аззи.

— Аззи? Что это такое?

Аззи крикнула с недовольным лицом.

— Гав! Ты, не играешь! Только я играю!

— Хах?

— Гав-гав! Гав-гав-гав! Ты! Не весело!

— Нет, нет, подожди.

Было очевидно, что недовольство Аззи значительно возросло. Она и раньше использовала навык, чтобы бросить мяч, а сама тихо уходила, но на этот раз, похоже, она не собиралась упускать это из виду. Несмотря на типичную непоколебимую любовь Короля Собак к людям,

она настойчиво лаяла на Шей.

Столкнувшись с недовольством короля, Шей изо всех сил пыталась найти подходящий ответ.

— Нет, я. Э-эм, хотел немного расслабиться.

— Гав-гав-гав-гав!

Неужели она ошибочно полагала, что иметь дело с Королем Собак будет легко из-за ее близости к людям? Оказалось, что ее способ ведения дел не сработает. Шей вздохнула и призвала мяч, заставив его по ветру вернуться к ней в руку.

— Хорошо. Я буду бросать его вручную с этого момента, никаких трюков. Это сделает тебя счастливой?

— Уфф! Нет! Гав-гав!

Аззи издала громкий лай и быстро отвернулась от Шей. Отвергнутая Королем Собак, известной своей доброжелательностью, Шей могла только смотреть на удаляющуюся фигуру Аззи с ошеломлённым выражением лица. Она провела рукой по волосам, бормоча что-то себе под нос.

— ... Арх. Я не понимаю. Как этот парень так хорошо ладит с Аззи?

С неохотой Шей не могла не питать тайной надежды, что надзиратель вернется. Он был единственным человеком, способным разгадать мириады вопросов, крутившихся в ее голове, и решить возникшую затруднительную ситуацию.

И в глубине души, хотя она никогда не призналась бы в этом, у нее могла развиться легкая привязанность к этому парню.

Но затем, как только эта мысль пришла ей в голову, двери арсенала распахнулись.

<http://tl.rulate.ru/book/74815/3246861>